

Ян Шенкман

**В ЭТОЙ РУБРИКЕ
МЫ РАССКАЗЫВАЕМ
О МАЛОИЗВЕСТНЫХ
ИЛИ ЗАБЫТЫХ ИМЕНАХ,
СОБЫТИЯХ, ФАКТАХ,
УПОМИНАНИЕ
О КОТОРЫХ ВСТРЕЧАЕТСЯ
НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА.
ИНФОРМАЦИЯ АДРЕСОВАНА
ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ
ИНОСТРАННЫМ ЧИТАТЕЛЯМ,
ИНТЕРЕСУЮЩИМСЯ РУССКОЙ
ИСТОРИЕЙ И КУЛЬТУРОЙ.**

Ефим Копелян
Стр.

Актер Ефим Захарович Копелян (1912–1975) был непревзойдённым мастером дубляжа, за что друзья даже прозвали его Ефимом Закадровичем. Шутили, что он и телефонную книгу сумел бы сыграть гениально. Казалось бы, чтение текста за кадром априори не может прославить актёра. Но Копелян стал исключением. Его голос, произносящий закадровый текст в «Семнадцати мгновениях весны», узнала и полюбила вся страна.

Впрочем, и в кадре Ефим Захарович появлялся нередко. На его счету около семидесяти фильмов, и такие роли, как, например, Свидригайлов в «Преступлении и наказании» и атаман Бурнаш в «Неуловимых мстителях».

В молодости Копелян окончил студию при ленинградском Большом драматическом театре и проработал в БДТ всю свою жизнь. Дебютировал начинающий актёр своеобразно: от волнения не сориентировался в декорациях и вошёл на сцену через окно, а не через дверь. Расстроился и после спектакля отправился извиняться перед игравшим вместе с ним премьером театра Николаем Монаховым. Тот огоршил

молодого артиста новостью: оказывается, вышел со сцены Ефим тоже не через дверь, а через камин – и сам этого даже не заметил.

Спутницу жизни Копелян нашёл в родном театре. Ею стала актриса Людмила Макарова (позже сыгравшая главную роль в знаменитейшем спектакле Георгия Товстоногова «Ханума»). Она была красива восточной красотой, с нежным пушком на лице. Актриса с юмором вспоминала, как встретилась с Копеляном в коридоре: он шел, подкручивая свои усы, она – свои бачки. Посмотрели друг на друга и поняли: это судьба!

Около 20 лет Ефиму Копеляну доставались в БДТ лишь проходные роли. Ситуация изменилась, когда в театр пришёл Товстоногов, который многих уволил, а Копеляна, наоборот, сделал одним из ведущих артистов театра. Он сыграл, в частности, Ильина в «Пяти вечерах», а в роли Тамары выступала Зинаида Шарко. Сергей Юрский говорил, что этот спектакль можно было слушать, как музыку. Кстати, Копелян был самым первым исполнителем роли Ильина, которую в дальнейшем играли и Олег Ефремов, и Станислав Любшин, и Сергей Гармаш.

Режиссёр Товстоногов и артисты БДТ – Копелян, Макарова, Владислав Стржельчик, Евгений Лебедев (он был женат на сестре Товстоногова Нателе) – дружили домами. И отпуска иногда проводили вместе, например, в пансионате «Артист» в Ялте. Там они часто собирались по вечерам большой компанией, порой даже разыгрывали какие-нибудь сценки. Московские коллеги смотрели на них с недоумением, удивляясь, как эти люди не надоели друг другу в театре.

К своим ведущим актёрам театральный коллектив не всегда относится с теплотой. Но Копеляна в БДТ любили непритворно. И когда он в 62 года умер от инфаркта, Георгий Товстоногов произнёс знаменитую фразу: «Из театра ушла совесть».

Е.З.Копелян в роли Каргина
в фильме «Даурия»

Николай Сапунов

Стр.
«Идеальной постановкой моей комедии «Балаганчик» я обязан В.Э. Мейерхольду, М.А. Кузмину и Н.Н. Сапунову», - писал Александр Блок. Художнику Николаю Сапунову (1880–1912), создавшему декорации и костюмы к легендарному спектаклю, было всего 26 лет. Но в театральном деле он уже давно не считался новичком. Ещё занимаясь в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (где его любимым учителем был Леви-тан), Сапунов работал подмастерьем у знаменитого театрального художника МХТ Виктора Симова. Потом сотрудничал с оперной антрепризой Мамонтова в театре «Эрмитаж». В 1902 году оформлял вместе с Павлом Кузнецовым спектакль «Валькирия» в Большом театре, а в 1905-м работал вместе с Мейерхольдом над «Смертью Тентажиля».

Мир театра был также одним из любимых мотивов живописи Николая Сапунова. А ещё он обожал писать натюрморты с букетами цветов. Именно Сапунов был автором изображения голубой розы на обложке каталога одноимённой выставки в Москве в 1907 году – этот цветок стал знаком русского символизма.

Сапунов трагически погиб в возрасте 31 года. К этому времени его уже считали одним из лучших сценографов русского театра. Удивительно, но смерть на воде была художнику предсказана. Он всегда отличался осторожностью, даже отказывался переплыть Неву на лодке. Но июньским вечером 1912 года Сапунов вдруг потерял владевшее им многие годы чувство страха и сам пригласил нескольких друзей совершить морскую прогулку.

В то время художник работал в летнем театре под Петербургом, в местечке Териоки, в числе других членов Товарищества актеров, музыкантов, писателей и живописцев (главным режиссёром которого был Мейерхольд). Для служителей музыки сняли бывшую дачу американского посланника – виллу Лепони. Она была огромна, и Мейерхольд называл её «домом Эшеро», уверяя, что в ней водятся привидения.

Вечером 14 июня вместе с Сапуновым на лодке поехали кататься пять человек. Были среди них, в частно-

«Мистическое собрание»

Портрет Николая
Дмитриевича Милоти

сти, поэт и композитор Михаил Кузмин, с которым художник работал над «Балаганчиком», и предмет симпатии Николая Сапунова – молоденькая актриса Белла Назарбек. Не исключено, что именно из-за ее присутствия художник забыл об осторожности. Лодка опрокинулась в трёх верстах от берега. Подоспевший на помощь матрос успел спасти всех, кроме Сапунова. Его тело нашли только на одиннадцатый день около Кронштадта. В этом городе художника и похоронили. Глубоко потрясённый Михаил Кузмин написал на смерть друга стихи:

*...Наверно, знал ты, не гадая,
Какой отмечен ты судьбой,
Что нестерпимо голубая
Кулиса красилась тобой.
Сказал: «Я не умею плавать», –
И вот отплыл, плохой пловец,
Туда, где уж слетала слава
Тебе лазоревый венец.*

Отец Георгий Чистяков

Стр.

В Республиканскую детскую клиническую больницу (РДКБ) отец Георгий (Георгий Петрович Чистяков, 1953–2007) пришёл на смену убитому отцу Александру Меню. Именно Меню незадолго до своей трагической гибели стал регулярно ходить в РДКБ, чтобы крестить, исповедовать, причащать и просто общаться с людьми. Вместе с батюшкой в больницу наведывались и его прихожане. Они занимались с детьми – гуляли, рисовали, водили их в театры, а также помогали решать различные проблемы родителям тяжелобольных малышей. Отец Георгий тоже стал приводить с собой прихожан храма Космы и Дамиана в Шубине, где он служил, – так образовалась больничная Группа милосердия. При Чистякове в РДКБ возник и храм Покрова Богородицы. Его настоятелем отец Георгий был до самой своей смерти. Он в шутку называл себя президентом больничного сообщества, а руководителя Группы милосердия Лину Салтыкову – премьер-министром.

Чувство юмора у Чистякова было отменным. Одна из его духовных дочерей, художник Анна Марголис, вспоминала, что как-то на сложном монтаже своей выставки она очень волновалась, а отец Георгий, пытаясь приободрить её, смешно изображал в своей чёрной рясе... летучую мышшь.

Наверное, этот эпизод отчасти объясняет, почему батюшку так любили дети. Тяжелобольные ребята и их родители в РДКБ каждый раз ждали прихода отца Георгия как манны небесной. В храме при больнице Чистяков служил по субботам. А по воскресеньям, средам и пятницам его можно было найти в церкви Космы и Дамиана, расположенной в Столешниковом переулке. Желающих пообщаться с отцом Георгием в ней было ничуть не меньше, чем в больнице его пылкость в служении и способность сопереживать никого не могли оставить равнодушным.

Кстати, равнодушие было, пожалуй, наиболее чуждым для отца Георгия состоянием. Свои чувства он никогда не экономил: бурно радовался и досадовал, а с какой страстью служил литургию! Он делал это несколько аффективно и театрально, но глаз от отца Георгия в это время не мог оторвать никто. Его проповеди никогда не бывали чем-то отвлеченным, они повествовали о дне сегодняшнем. Чистяков не боялся высказывать своё мнение о происходящих в стране событиях. И именно он отпевал Анну Политковскую...

Отец Георгий и сам состоял в редакционном совете нескольких журналов и газеты «Русская мысль». Он был кандидатом исторических наук, знал иностранные языки и более 20 лет преподавал в московских вузах. А также переводил труды Плутарха, Полемона, Павсания... Занимал пост директора

Научно-исследовательского центра религиозной литературы и изданий русского зарубежья Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы. Как он всё это успевал, оставалось загадкой...

Батюшка казался очень хрупким и немного чудаковатым. Мог с амвона сказать, как он «сильно испугался» чего-то. Однако мужества ему было не занимать. Несколько последних лет жизни отец Георгий тяжело болел. Но служения и своей общественной и благотворительной деятельности не оставил. Иногда у него не было сил даже выйти на службу, и в церкви в такие дни его ждали до последнего. На исповедь к отцу Георгию стояла громадная очередь. И он, смертельно больной, выслушивал повести о стариковских обидах или подростковой влюбленности с таким вниманием, как будто важнее этого нет ничего на свете...

Yan Shenkman

UNDER THIS HEADING WE ARE TELLING ABOUT LITTLE-KNOWN OR FORGOTTEN NAMES, EVENTS, FACTS MENTIONED IN OUR REVIEW. THIS INFORMATION IS MAINLY ADDRESSED TO FOREIGN READERS WHO ARE INTERESTED IN RUSSIAN HISTORY AND CULTURE.

Yefim Kopelyan
in "Prestuplenie i
Nakazanie"

also happened to leave the stage the wrong way – through the fireplace instead of the door, and did not even notice that fact.

Kopelyan found his life's companion in his native theatre in the person of actress Lyudmila Makarova (who later played the lead role in Georgy Tovstonogov's most famous production of "Khanuma"). She had a kind of oriental beauty with delicate fuzz on her face. The actress recalled laughingly the day she met Kopelyan in the hallway: he was walking along, twirling his moustache, while she was twirling her sideburns. They looked at each other and realized: it was fate!

For about 20 years Yefim Kopelyan could only get bit parts at the BDT. The situation changed when Tovstonogov came to the theatre. He fired many people and made Kopelyan one of the theatre's leading actors. One of his most notable roles was that of Ilyin in "Five Evenings", with Zinaida Sharko playing the part of Tamara. Sergei Yursky used to say that one could listen to this production as one would to a piece of music. Kopelyan, incidentally, was the first to perform the part of Ilyin that was later played by such actors as Oleg Yefremov, Stanislav Lyubshin, and Sergei Garmash.

Director Tovstonogov and BDT actors – Kopelyan, Makarova, Vladislav Strzelczyk, Yevgeny Lebedev (he was married to Tovstonogov's sister Natela) – were close friends. Sometimes they even spent their vacations together; at the "Artist" resort in Yalta, for instance. They frequently gathered there in the evenings – a big company, and some-

times even performed some scenes. Their colleagues from Moscow looked on in dismay, unable to understand how these people managed to not be tired of each other after working together in theatre.

Theatre employees did not always feel warmly toward their leading actors. Yet Kopelyan was truly loved at the BDT. And when he died of a heart attack at the age of 62, Georgy Tovstonogov uttered his famous phrase: "Theatre has lost its conscience."

NIKOLAI SAPUNOV

Page

"I owe the perfect production of my comedy 'The Puppet Show' (Balaganchik) to V. E. Meyerhold, M.A. Kuzmin and N.N. Sapunov," wrote Alexander Blok. Artist Nikolai Sapunov (1880–1912), who created the sets and the costumes for the legendary production, was only 26 years old. Yet he had already long stopped being considered a rookie in theatre business. Even back when he was study-

ing at the Moscow School of Painting, Sculpture and Architecture (where his favorite teacher was Levitan), Sapunov worked as an apprentice for Viktor Simov, a famous MAT theatre artist. Later he worked together with Mamontov's non-repertory opera company at the Hermitage Theatre. In 1902, he and Pavel Kuznetsov designed the production of "The Valkyrie" at the Bolshoi Theatre, and in 1905, he worked with Meyerhold on "The Death of Tintagiles".

The world of theatre was also one of Nikolai Sapunov's favorite painting motifs. And he also loved drawing still life with bouquets of flowers. It was Sapunov, who drew the painting of a blue rose on the cover of the catalogue for the homonymous exhibition in Moscow in 1907 – that flower became the symbol of Russian Symbolism.

Sapunov died tragically at the age of 31. By that time he was already considered to be one of the best set designers of Russian theatre. Surprisingly, the artist was

"Traktir" (1911)

"Naturmort" (1912)

the object of Nikolai Sapunov's affection. It is possible that it was her presence that caused the artist to lose his caution. The boat overturned three versts from shore. A sailor who came to their assistance managed to save everyone except for Sapunov. His body was discovered only eleven days later near Kronstadt. The artist ended up being buried in that city. Mikhail Kuzmin, deeply affected by his friend's death, wrote the following poem about it:

*...You must have known without conjecture,
The kind of fate that branded you,
That the coulisse that you were painting
Was so intolerably blue.
"I cannot swim," you said,
Yet, poor swimmer, you took
a boat and sailed to sea,
To where fame was promptly weaving
A sky-blue wreath to place on thee.*

*Zakadrovich is a play on words. The phrase "za kadrom", which this nickname is based on, means "voice-over".

FATHER GEORGY CHISTYAKOV

Page

Father Georgy (Georgy Petrovich Chistyakov, 1953–2007) came to the Russian Children's Clinical Hospital (RCCH) to replace the murdered Father Alexander Men. Men was the one who, not long before his tragic death, began coming to RCCH on a regular basis to baptize, administer confessions, give communions, and simply to talk to people. His parishioners visited the hospital along with the parson. They spent time with the children – walked outside with them, painted, took them to theatre, and even helped the parents of the critically ill children resolve various problems. Father Georgy also began bringing along his parishioners from the Church of Saints Cosmas and Damian in Shubino, where he served – and thus the hospital Mercy Group was born. It was also under Chistyakov that the Church of the Intercession of the Holy Virgin Mary came into existence at RCCH. Father Georgy served as its Fa-

foretold that he would die on the water. He was always careful; he even refused to swim across the Neva River on a boat. But one evening in June of 1912 Sapunov suddenly lost the sense of fear that controlled him for many years and invited several of his friends to go on a boat ride.

At the time the artist was working at a summer theatre near St Petersburg in a little place called Terijoki, along with other members of the Association of Actors, Musicians, Writers, and Painters (the theatre's principal director was Meyerhold). Villa Leponi, a former dacha belonging to an American envoy, was rented out for the servants of the Muses. It was enormous, and Meyerhold called it "The House of Usher", claiming that ghosts were living there.

Five people went on a boat ride with Sapunov on the evening of June 14. Among them were poet and composer Mikhail Kuzmin, with whom the artist had collaborated on "The Puppet Show", and a young actress by the name of Bella Nazarbek,

A.A. BAKHRUSHIN THEATRE MUSEUM

PARTICULARLY VALUABLE OBJECTS OF CULTURAL HERITAGE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

BAKHRUSHIN STREET 31/12

TEL.+7(495)953-48-48

WWW.GCTM.RU

The Branches of A. A. Bakhrushin Theatre Museum:

The estate of dramatist A. N. Ostrovsky

The Theatre Salon on Malaya Ordynka

The House- Museum of M. N. Ermolova

The House- Museum of M. S. Shepkin

The Apartment- Museum of Vs. E. Meyerhold

The Apartment - Museum of the actors family M. V. Mironova-A.S. Menaker

The Apartment - Museum of G. S. Ulanova

The Apartment - Museum of V. N. Pluchek

The theatrical painter David Borovsky-Brodsky memorial museum- the creative Studio

ther Superior until his death. He jokingly called himself president of the hospital society and Lina Saltykova, the Mercy Group administrator, – its prime minister.

Chistyakov had an excellent sense of humor. Artist Anna Margolis, one of his spiritual daughters, recalled being very nervous during a particularly complex installation of her exhibition, and Father Georgy was trying to cheer her up by doing a funny impersonation of a... bat in his black robe.

This anecdote, perhaps, partly explains why kids loved the parson so much. The critically ill children and their parents at RCCH looked forward to every one of Father Georgy's visits as though they were manna from heaven. Chistyakov served at the hospital church on Saturdays. And on Sundays, Wednesdays and Fridays he could be found at the Church of Saints Cosmas and Damian, located on Stoleshnikov Lane. There were as many people wishing to talk to Father Georgy at that Church as at the hospital. The passion of his ministry and his ability to empathize could leave no one unaffected.

Indifference, by the way, was probably the most foreign state for Father Georgy. He was never sparing with his feelings: he was exuberant in expressing his joys and his disappointments, and he was so passionate in delivering his liturgy! He did it with a bit of affectation and theatricality, but nobody could tear their eyes away from Father Georgy during those times. His sermons were never about something

Father Georgy's grave

abstract, they spoke about things that were relevant today. Chistyakov wasn't afraid to express his opinion about the events that were taking place in the country. And he was the one who performed the funeral service for Anna Politkovskaya...

Father Georgy was also member of editorial board in several magazines and the "Russkaya Mysl" newspaper. He had a Ph.D. in historical sciences, knew foreign languages, and taught in Moscow universities for over 20 years. He also translated works by Plutarch, Polemon, Pausanius... He held a position of director of the Science and Research Center for Religious Literature and Russian emigre Literature at the Russian State Library of Foreign Literature. How he managed to do all of those things remains a mystery...

The parson seemed very fragile and a bit eccentric. He could say right from the Am-bon that he "was terribly frightened" by something. Yet he did not lack in courage. Father Georgy was gravely ill for the last few years of his life. Yet he did not abandon his service nor his community and charity work. There were days when he did not even have strength to do a service, and in those days they waited for him at the church until the last possible moment. People waited in long lines for Father Georgy to hear their confessions. And he, already terminally ill, listened to stories of old people's grievances or teenage crushes with so much care, as though they were the most important thing in the world...

